

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2010

Номер выпуска: 44

Заглавие: Валентин Парнах – карабкающийся акробат

Автор: И. П. Павленко

К 120-летию со дня рождения

Двадцать седьмого июня (9 июля по новому стилю) 1891 года в семье таганрогского аптекаря Якова Соломоновича Парноха родились сын Валентин и дочь Елизавета. В семье росла еще и старшая пятилетняя дочь Соня. Соня была любимицей в семье, но с рождением брата ситуация изменилась. После рождения близнецов Александра Абрамовна, хозяйка семьи, умерла, и все внимание семьи сосредоточилось на мальчике.

Валентин появился на свет в очень образованной по тем временам провинциальной еврейской семье, жившей на углу Иерусалимской улицы и Итальянского переулка. В доме царил светская атмосфера, здесь не вдавливали талмуд, детям не давали ветхозаветных имен. В Таганроге вообще чтить субботу, кошер и синагогу особо не старались. Зато в семье французский язык был как родной, звучали и Бодлер, и Верлен, впрочем, историю греков и римлян здесь тоже читали в оригинале.

Все дети Парноха изначально были наделены Богом разнообразными талантами. Писать стихи Соня начала в шесть лет, Валентин в девять, Елизавета за ними не отставала. Валентин рос тихим, худеньким нервным ребенком. Родившись наполовину сиротой, он с детским максимализмом ненавидел все вокруг: сначала мачеху, затем гимназию и, наконец, родину - Россию.

Ребячьи забавы мальчика не увлекают, единственным своим убежищем он считает отцовскую библиотеку, где часами просиживал, читая классическую поэзию, книги по искусству и истории. Более всего его поразило Моисеево Пятикнижие. В первом же стихотворении, написанном в девять лет, мы слышим далеко не детский вопль: «Моисей, о, если б ты увидел позор народа твоего!». Что для сонно жующего, многонационального, толерантного Таганрога было сказано сильно и более чем странно. Хотя в России наступили непростые времена - революционная атмосфера накалялась.

С приходом к власти в 1881 году Александра III провозглашается русификация нерусского населения, национальных и религиозных меньшинств. Особенно евреев, чьи узнаваемые фамилии все чаще появляются в полицейских сводках как фамилии организаторов политических партий экстремистского толка. Зажиточные и хорошо образованные евреи, особенно в столицах и в других больших городах, чаще всего ассимилировались в господствующую русскую культуру. Они имели множество льгот, в меньшей степени подвергались открытому антисемитизму и в большинстве своем перестали отождествлять себя с нищей массой преследуемого еврейства.

Валентин, ставший впоследствии пламенным сионистом, вспоминал, как в детстве он слышал о «праве жительствова»: «Эти два слова сливались для меня в одно: «правожительство». Я запомнил фразу: «Скоро еврей уже не будет иметь права переходить улицу!».

Поэтическая юность Парнаха совпала с движением символистов, открывших новую эпоху - Серебряный век русской поэзии. Он читает новейших русских поэтов, увлекается модернистскими экспериментами. Валентин, как он сам признавался, «совершенно заражен поэзией Александра Блока».

Подросток Парнах ведет культурно насыщенную жизнь, часто посещает концерты и оперу. Поступление в гимназию он рассматривает как победу над первым жизненным препятствием. Школьный опыт приводит его к этническому отчуждению, чего, например, не

случилось с его сестрой. Соня считала брата «невротиком», который преувеличивает степень антисемитизма в своем окружении.

Позже Валентин запишет: «В нашем сарае висели кольца для гимнастических упражнений, и я представлял себе экзамены в виде золотых колец, на которых надо проделывать труднейшие акробатические трюки. Этот первый «акробатический номер» я проделал. В гимназии я провел 8 лет, и все эти восемь лет я был единственным евреем среди русских и греков моего класса. Царские казенные гимназии были скорее казармами, учителя - самодурами и невеждами».

Гимназию - ту самую, которая учила А.П. Чехова, он окончил первым учеником, с золотой медалью, и это дало возможность ему произвести следующий «акробатический номер». В 1912 году без экзаменов Валентин поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, заняв одно из 45 мест, выделенных евреям. Продолжает учебу на романском отделении историко-филологического факультета. Параллельно с учебой изучает музыку под руководством М.Ф. Гнесина. Михаил Фабианович посещает «Общество еврейской музыки». Для спектакля В. Мейерхольда «Ревизор» Гнесин написал оркестровую сюиту «Еврейский оркестр на балу у городничего». Вместе с Парнахом они интересуются историческими корнями еврейской музыкальной культуры. В 1914 году Гнесин выезжает в Палестину.

В столице Парках сразу входит в литературный круг. Он печатается в акмеистском «Гиперборее» (1913). По рекомендации А. Блока его стихи помещает мейерхольдовский журнал «Любовь к трем апельсинам» (стихотворение «Араб», 1914, №3). Позднее там же было напечатано его эссе о танцах (1914). В качестве гостя Валентин присутствует на занятиях мейерхольдовской музыкально-драматической студии, занимается исследованием русского авангарда. В эти же годы он увлекся сионизмом. Он с яростью обрушивается на Россию и на царское правительство. Русского царя называет в стихах не иначе как «монархидиот»...

Никакого смысла он не видел в ассимилированной русско-еврейской интеллигенции: «Итоги моей жизни в Петербурге: отвращение к русской университетской учебе, убеждение в ничтожности царского профессорья, в лживости легенды о революционном студенчестве, разочарование в русской культуре».

Начало третьего «акробатического номера» Парнаха...

Когда в воздухе запахло мировой войной, Парнах уезжает во Францию и в Палестину, чтобы убежать от войны, от своей ненависти к России и обрести вновь этнические корни. Весть о начале войны застала его в Бейруте. Путешествие по Ближнему Востоку и Италии нашли отражение в сборнике стихов «Самум» (1919).

Пребывание в Эрец Исраэль послужило толчком для создания таких стихотворений, как «К пальмам Палестины», «Псалом», «Захария, глава 11-я» и др. Аравия, Палестина, Испания, Египет и Сицилия - повсюду Валентин ищет следы древней и средневековой еврейской культуры. В европейских библиотеках и архивах он открывает пласт поэзии, созданной жертвами инквизиции, главным образом евреями, писавшими на испанском и португальском языках. Он делает переводы на русский и французский языки. Французскую рукопись, существовавшую в одном экземпляре, он передает Луи Арагону, а тот ее теряет. В Париже, находясь в эмиграции, Парнах создает кружок из «своих» друзей: И. Задневича, М. Талова и А. Гингера и называет их «Палатой поэтов».

А вот как описывает Александр Гингер самого Валентина Парнаха той поры:

*«Вот тело хрупкое пророка и танцора,
Вместившее огромный дух...
Ты хрупок стал от частых голодух,
От негрской музыки и от движений скорых.»*

*О ручки детские! Ботинки «gargonet»,
Воротнички тридцать четвертый номер
(Любой поэт от удушенья б помер)
Шерсть рыжая на брюхе и спине.
Эротоман ужасно изощренный,
Неисчерпаемый в мечте ночей,
На дню же - целомудренно ничей
И женским посягательством смущенный.
Прости, наставник, дерзкий мой язык:
Создателю размеров беспримерных
Не повредят укусы своры верных
И смех кинематографических заук».*

(А. Гингер «Валентину Парнаху», 1921 г.)

Вечно голодный, в старом пальто, без шарфа, в вечном поиске грошовых переводов в Париже Парнах издает свои первые сборники стихов, их иллюстрировали Наталия Гончарова и Михаил Ларионов, а одну из них предварял портрет Валентина Парнаха работы Пабло Пикассо. Работы много, и она спорится.

Первая мировая война наконец закончилась, разметав королей и королевства, перекроив границы и умертвив пропасть народу. Но для России Голгофа только начинается. Преданная своим народом, она погружается, как Атлантида, в пучину крови братоубийственной гражданской войны. Вести с Родины поступают к Парнаху одна за другой. В письме к сестре Соне он обращается с советом бежать. София Парнок ответит мысленно стихами: «За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое».

Но вот приходит радостная весть: имперской России, этой «бабы-монстра», больше нет. К власти пришли люди с узнаваемыми фамилиями из вчерашних полицейских протоколов. Пришли люди без роду, без племени, без истории и культуры - те, «кто был никем», у них нет своей музыки, танцев, «старый мир разрушен до основания, а затем...» Что затем? Валентин понимает, что его время пришло, надо действовать. Но как? И вот удача! В 1919 году ансамбль Луиса Митчела «Джаз Кингз» покорила сначала брюссельскую, а затем и парижскую публику. Ошеломленная печать едва находила подходящие для новой музыки эпитеты.

В парижское кабаре и казино, где выступали негры, попасть было почти невозможно. В июле 1921 года в модном парижском кафе «Трокадеро» оказался 30-летний блондин с открытым лицом и обаятельной улыбкой. Теперь Валентин Парнах знает что делать, СССР просто создан для негритянской музыки, а стихи и танцы Парнах изобретет свои. Но нужен пиар! И деньги, хотя бы на инструменты и лаковые штиблеты, для начала и это хорошо, произведет впечатление, ведь там ничего нет, только голод и разруха.

Парнах покинул Париж в январе 1922 года, а 2 июня писал Мейерхольду из Берлина: «Многоуважаемый и дорогой Всеволод Эмильевич, хотел бы надеяться, что Вы вспомните кто я; поэт Парнах, с рыжими волосами, друг М.Ф. Гнесина. Нужно ли говорить, что я смертельно ненавижу старый режим и всегда был сторонником советской власти. Я свободно владею французским, немецким, испанским, итальянским языками, могу быть полезен на службе в Наркоминделе. Я автор 4-х книг стихов, статей по новой эстетике кинематографа, слова, танца и перевода «Путешествия на Восток» Жерара де Нарваля.

Ускорение моей визы необходимо, тем более что мне приходится существовать здесь литературным трудом в эмигрантских условиях, а это очень тяжело. Я хочу привести в Москву инструменты нового негро-американского оркестра. Стоят эти инструменты всего 20 000 германских марок, устройте мне ассигновку для этой цели. P.8. Моя литературная фамилия теперь Парнах. Мои танцы - эксцентрического характера».

Четвертый «акробатический номер» Парнаха. Летом 1922 года «Известия» объявили на первой странице: «В Москву приехал председатель Парижской палаты поэтов Валентин Парнах, который покажет свои работы в области новой музыки, поэзии и эксцентрического танца, демонстрировавшиеся с большим успехом в Берлине, Риме, Мадриде, Париже». Парнах тут же попадает в центр внимания артистической Москвы, регулярно публикует инновационные статьи, выступает с лекциями, отвечает на многочисленные вопросы, вторгается в дискуссии. На своих лекциях он впервые в России произносит слово «Джаз» и говорит, что это явление новое и глубоко интернациональное, сплавившее в себе музыкальные течения Азии, Африки и Европы.

Первого октября 1922 года в Москве на Малой Кисловке в ГИТИСе в час дня состоялся первый концерт «Первого в РСФСР Эксцентрического оркестра - Джаз-Банд Валентина Парнаха».

В зале плотно, один к одному, - вся художественная элита столицы. За роялем Евгений Габрилович, будущий знаменитый киносценарист. Контрабасист, при помощи ножной педали играющий еще и на большом барабане. Ударник-мим. И мим - Парнах, читающий угловатые стихи, танцующий диковинные танцы под синкопированную музыку.

В декабре второй концерт в Доме печати. Евгений Габрилович так вспоминал о нем: «Зал дома, выдавший многое на своем веку, был переполнен. Парнах прочел ученую лекцию о джаз-банде, потом с грехом пополам сыграли джазовые мелодии. Когда же сам Парнах исполнил страннейший танец «Жирафовидный истукан», восторг достиг ураганной силы. И среди тех, кто яростно бил в ладоши и зывал «Еще, еще!», был Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Он тут же предложил Парнаху организовать джаз-банд для спектакля, который тогда репетировался. Что было у Парнаха абсолютно оригинально и неповторимо - это танцы. Это были движения вдоль и вглубь сцены с размеренными механическими подергиваниями. В определенный момент он падал на пол и продолжал свой танец, уже лежа на спине и дергая в воздухе ногами. Он был одет в черный костюм, грим, белая манишка, галстук».

Парнах нарасхват, он показывает Евгению Габриловичу, как играть шимми на рояле, объясняет, что такое синкопа, ставит у Мейерхольда сногшибательные танцы с Игорем Ильинским, Марией Бабановой, Александром Костомолоцким и Львом Свердлиным и вызывает всеобщий восторг статьей: «Ура джаз-банду!». У Мейерхольда начинается период биомеханики, которую Парнах первым и воплотил. Его танцы «Этажи иероглифов» и «Жирафовидный истукан» стали сенсацией.

Страна отрезана от Европы, ощущает культурный вакуум, свирепствует первый большевистский голод. Еще не намылена петля Есенину, не отлита пуля Маяковскому, режим себя еще никак не проявил в отношении культуры...

«Джаз-Банд» Парнаха впервые участвует в государственных торжествах на карнавальном параде сельскохозяйственной выставки 1 мая в 1923 году. Вместе с ансамблем принимает участие в репетициях нового спектакля «Даешь Европу!» (по Эренбургу). Оркестр становится первым в мире джазовым коллективом, принятым на работу в государственный академический театр. Парнах учит модным танцам: фокстроту, кэйк-уоку, шимми, уан-степу молодого Сергея Эйзенштейна и других актеров в студии московского Пролеткульта. В 1925 году в Москве выходит первый и единственный сборник стихов В. Парнаха «Вступление к танцам». Что было потом? Вспоминает Габрилович: «В театре Мейерхольда мы проработали 3-4 года, потом Мейерхольд к нашему коллективу заметно охладел...».

В конце этого же года - пятый «акробатический номер» Парнаха. Из советской России трудно выехать, но Парнах возвращается во Францию. В Париже он по-прежнему близок с И. Эренбургом, вместе с Д. Кнутом, А. Гингером и Б. Поплавским входит в группу «Палата поэтов». В 1926 году в американско-еврейском ежеквартальнике «Менора джорнал» №3, в виде письма из Москвы, выходит статья Парнаха о роли евреев в новейшей русской литературе. Здесь он описывает биографии М. Гершензона, Б. Пастернака, О. Мандельштама, П.

Антокольского и Б. Лапина. В 1930-м выходит книга «Инквизиция» (на французском языке) - результат 20-летнего труда, со стихами, приговорами, протоколами и аутодафе. В Советском Союзе книга вышла под названием «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» (М.-Л., 1934). Все складывается хорошо, но в Европе происходят вещи пострашнее инквизиции, в 30-х годах поднимает голову фашизм.

Шестой «акробатический номер» Парнаха... В конце 1931 года Парнах вновь приезжает в Россию. Уже не звучат парадные фанфары, уже вышла статья М. Горького «О музыке толстых» (1928). «...Вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек: раз, два, три, десять, двадцать ударов. И вслед за ними точно кусок грязи в чистейшую, прозрачную воду, падает дикий визг, свист, грохот, рев, вой, треск. Врываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаются хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки. Весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом...» - так писал о джазе великий пролетарский писатель.

Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» описывает джаз-банд, где дирижер в красном фраке колотит ударными тарелками джаз-бандистов, а те приседают в комическом ужасе. Персонаж списан с Парнаха. Герой Ильфа и Петрова Изнуренков - отчасти Парнах. Владимир Маяковский в «Клопе» в сценах Баяна с Присыпкиным, обутым в ненавистные лакированные туфли, пародирует Парнаха. И наконец, герой повести Осипа Мандельштама «Египетская марка» (1928) назван уже почти прямо - Парнок. «Жил в Петербурге человек в лакированных туфлях, презираемый швейцарами и женщинами. Звали его Парнок. Ранней весной он выбегал на улицу и топал по непросохшим тротуарам овечьими копытцами. Ему хотелось поступить драгоманом в министерство иностранных дел, уговорить Грецию на какой-нибудь рискованный шаг и написать меморандум. Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него!» - восклицал автор.

А дальше заработала государственная машина, ее карательный орган. Беда поселилась вокруг. Угасла Сонечка Парнок, расстрелян Мейерхольд, сгинул в лагерях Мандельштам. Наступил грозный 1941 год. Эвакуационный пароход плывет вниз по Волге в Чистополь (Татарскую АССР). Парнах вместе с Цветаевой одновременно пытаются устроиться работать за пропитание в литфондовской столовой. Опять роковая для Цветаевой встреча с представителем семьи Парнох. На этот раз с братом Сони. Его берут стоять на дверях, а ее нет, не берут даже мыть посуду. Для Цветаевой это последняя капля терпения бед, она едет в Елабугу, где кончает с собой.

В 1949 году Парнах выпускает книгу крупнейшего поэта-гугенота Агриппы де Обинье (1550-1630), обличающего забвение христианских заповедей. Большевиков он обманул, сказав, что это антирелигиозные стихи. Борис Пастернак назвал переводы Парнаха «очень удачными, а часть их - превосходными по силе, выразительности и точности».

«Акробат» закончил выступление. При полном молчании деятелей культуры под занавес ушел в забвение эпох. Умер В.Я. Парнах 29 января 1951 года в Москве, похоронили его на Новодевичьем кладбище.

P.S. Когда современнице Парнаха, знаменитой украинской певице, любимице Пуччини Соломее Крушельницкой взволнованная толпа начала скандировать: «Вы принадлежите миру!», певица ответила: «Принадлежит миру только тот, кто имеет Родину!»

Литература:

1. В. Хазан «Испытание эмиграцией». Из заметок о русской литературе в изгнании. Еврейский университет, Иерусалим.
2. Электронная еврейская энциклопедия, том 6, с. 336-339.

3. «Мигдаль таймс» Еврейский журнал для всех, №96-97 июнь-июль / 2008.
4. Аркадий Петров «Вечерняя Москва», № 182 (23498), 01.10.2002 г.
5. Алексей Баташев, журнал «Театр» (№ 10, 1991).
6. Всемирная энциклопедия – «Википедия»